

— Красив до чертиков, аж бесит.

Цинь Цзигуй задумчиво коснулся подушечкой пальца этих пяти слов.

Приятно? Определенно. Но следом пришла мысль: Шэнь Янь — настоящая языковая аномалия. Способен двумя-тремя обычными словами завернуть нечто настолько диковинное и при этом бьющее точно в цель. Взять хотя бы то его выражение: «Цзигуй — негодная птица».

Но вот чем именно раздражает его красота, Цинь Цзигуй пока не до конца понимал.

Вспомнилось, как Шэнь Янь злился из-за Юй Чэнь, которая объявила Цинь Цзигуя своим кумиром, поставила его фото в белой рубашке на аватарку и прислала стакан чая. Наверное, в мальчишке просто заговорило упрямство.

Хотя, по мнению самого Цинь Цзигуя, Шэнь Янь и выглядел ярче, и характером располагал к себе куда сильнее.

Он набрал ответ:

[Бедняжка номер один в мире]: Расскажи подробнее?

Шэнь Янь смотрел на экран. Пальцы замерли над клавиатурой.

Чего тут рассказывать?

Да нечего тут расписывать.

Он и раньше знал, что Цинь Цзигуй — парень хоть куда. Вот только когда видишь эту физиономию каждый божий день с самого детства, глаз невольно замыливается. Все вокруг наперебой хвалили внешность Цзигуя, а Шэнь Яню было плевать.

Привычка. Вроде того, как в детстве плескаться вместе в одной ванной — ну принимают два парня душ, эка невидаль.

А сегодня Цинь Цзигуй вдруг упёрся и не пустил его в ванную. Да ещё брякнул это своё «попробуем». Попробовали, называется... И только тут до Шэнь Яня дошло: этот гад сам не заметил, как маханул вверх, раздался в плечах, оброс мышцами... И стал смотреться...

Сексуально?

Связывать подобное слово с Цинь Цзигуем? Шэнь Янь усомнился в собственном рассудке. С

каких пор эта ледышка стала «сексуальной»? Бред какой-то.

Он быстро набрал ответ:

[С.]: Да ничего особенного. Просто заметил, что он ужасно любит красоваться. Целыми днями привлекает к себе внимание, ведет себя нескромно, о мужской дисциплине вообще не слышал. Бесит.

Цинь Цзигуй, который обычно застегивал рубашку на все пуговицы до самого горла и, кроме Шэнь Яня с Чэнь Юйбаем, ни с кем толком не разговаривал: «...»

У Шэнь Яня своеобразные представления о мужской дисциплине. Если уж на то пошло, сам Шэнь Янь привлекает девчонок куда сильнее.

Цинь Цзигуй подумал и уточнил:

[Бедняжка номер один в мире]: Тебе нравится какая-то девчонка, а она считает его красивым? Из-за этого бесишься?

Шэнь Янь ответил мгновенно:

[С.]: Чушь собачья!

[Бедняжка номер один в мире]:?

[С.]: Какая-то девчонка и правда считает его красавчиком, но я с ней даже не знаком, дело вообще не в ней.

[Бедняжка номер один в мире]: А в чем тогда?

[С.]: В том, что какая-то посторонняя девчонка ставит его фотку на аватарку, присылает ему чай с сыром, а он берёт и принимает! Это что за намеки? Собрался романчики крутить? Или возомнил себя королём сердец?

[С.]: Ему скоро в выпускной класс переходить, а у него в голове одна ерунда вместо учебы. Это нормально, по-твоему?

«Ненормально. Очень ненормально».

Ладно бы это сказал кто-то другой, но слышать подобные речи от Шэнь Яня — первого прогульщика и нерадивого ученика в мире — было за гранью реальности.

Цинь Цзигуй перечитал строчки. В груди кольнуло странной догадкой: уж не ревность ли это?

Не успел он развить эту мысль, как экран снова запестрел сообщениями:

[С.]: И ладно бы только интрижки! Меня бесит, как он забивает на друзей ради девчонок! Ты представь: я в обед купил ему большущий стакан чая, со всеми добавками, с двойным чеддером! А этот тип даже глотка не сделал, забыл в лавке, зато чужую кружку сразу сцапал!

[С.]: Вот скажи, если такой заведёт себе кого-нибудь, он же сразу про друга забудет?

[С.]: Я от одной мысли об этом закипаю. С самого детства всё лучшее отдавал ему первому. И что в итоге? Устроил мне холодную войну, променял друга на девчонку, а извинился ровно один раз для галочки! Это, по-твоему, искреннее желание помириться?

[С.]: Я ведь не то чтобы принципиально уперся, просто хочу, чтобы он осознал глубину своих ошибок! А он после первого же отказа даже попытаться снова не соизволил. Возомнил себя гордой птицей?

[С.]: И мало того! В обед, когда я попросил его заплатить за меня, он заставил меня умолять!

[С.]: Вот скажи честно, ты бы на моем месте не взбесился?

«Взбесился бы».

Шэнь Янь с детства был очаровательным, избалованным ребенком. Все вокруг опекали его, берегли от грязи и сложностей этого мира, отчего он вырос искренним и до детской наивности прямолинейным.

Он никогда не умел копить обиды в себе, но из-за вспыхнувшей ссоры вынужден был держать фасон и молчать. Видимо, парня совсем приперло, раз он сходу выплеснул всю душу случайному собеседнику.

Цинь Цзигуй не удержался от мягкой улыбки.

Так вот от чего злится молодой господин.

Похоже, его собственнические права на «брата Цзигуя», купленного когда-то за три юаня и два цзяо, всё ещё очень сильны.

Неважно, чем вызвана эта собственническая жилка, главное — Шэнь Янь не равнодушен. Ему важно, как к нему относятся. И этого достаточно.

Впрочем, Цинь Цзигуй и не собирался делить свое расположение с кем-то еще.

Он набрал максимально искренний ответ:

[Бедняжка номер один в мире]: Угу, еще как взбесился бы. На твоём месте я бы вообще с ума сошел от злости. Этот тип перегнул палку, абсолютно не ценит твоё отношение и твоего внимания не заслуживает. Не общайся с ним больше, забудь, что у тебя был такой друг.

Ответ прилетел без секунды промедления:

[С.]: Это у ТЕБЯ нет такого друга!

[Бедняжка номер один в мире]:?

[С.]: Да что ты вообще понимаешь?! Чем он плох-то?! Он ради меня в драку лез, с деканом ругался, а сегодня в обед, защищая меня, ногу повредил и теперь хромает! Если он не заслуживает, то кто тогда — ты, что ли?!

Цинь Цзигуй тихо, сдавленно рассмеялся.

Строчивший очередную тираду Шэнь Янь резко повернулся, подозрительно прищурившись:

— Ты чего ржёшь?

Цинь Цзигуй откинулся на изголовье кровати и лениво вытянул ноги:

— Да так, ничего. Просто работу проверил, вот и освободился.

«???»

Шэнь Янь, всё еще истязаемый работой над ошибками, мысленно вонзил в него три яростных восклицательных знака.

Цинь Цзигуй слегка повернул голову. В его взгляде таилась едва заметная теплота, хотя спросил он абсолютно невозможно:

— Что, всё ещё не доделал? Застрял?

«????»

Шэнь Янь решил, что Цинь Цзигуй сегодня напрашивается на драку!

Он с размаху отбросил ручку, вздернул бровь и уже собрался уточнить, каким именно способом Цзигуй желает расстаться с жизнью, как тот протянул ему со спинки кровати стакан с «Клубникой и чеддером»:

— Лёд уже растаял, напиток не такой холодный.

Шэнь Янь застыл на полуслове:

— Ты... э?

Цинь Цзигуй ловко проткнул крышку трубочкой:

— Этот чай и правда Юй Чэнь попросила купить Чэнь Юйбая. Я увидел твой любимый вкус и забрал. Но потом попросил Юйбая купить точно такой же и отдать ей обратно, а деньги перевел ему. Так что этот стакан — не от Юй Чэнь. Это я купил его для тебя.

— А?..

Шэнь Янь не сразу сообразил, к чему он клонит.

— Он взял со льдом, слишком холодный был, — неспешно продолжил Цинь Цзигуй. — Вот я и дал ему немного постоять.

Шэнь Янь принял стакан:

— О.

Температура действительно оказалась идеальной: приятно освежающая, но без ледяного обжигающего вкуса.

Цинь Цзигуй неторопливо поднялся и, притягивая повреждённую ногу, подсел ближе к Шэнь Яню. Накрыв ладонью край контрольной работы, он подвинул лист к себе, взял ручку и тихо спросил:

— Где не понимаешь?

«Да нигде не понимаю!»

Хотя стоп... С какой стати тебя вообще волнует, понимаю я или нет?

Шэнь Янь наконец пришел в себя.

Он вырвал листок обратно и буркнул:

— Всё я понимаю, не лезь.

— В этом задании верный вариант — А. Потому что для любых x_1 и x_2 из области определения функции, если $x_1 < x_2$, то и значение функции от x_1 будет строго меньше значения от x_2 , — Цинь Цигуй подался чуть вперед и, держа ручку за самый кончик, обвел правильный ответ прямо в работе Шэнь Яня.

Шэнь Янь всё еще дулся, но, глядя на обведенный кружок, не удержался и, закусив трубочку, буркнул:

— Это еще почему?

— Из-за монотонности, — ответил Цинь Цигуй, не поднимая глаз и отмечая следующее задание.

Шэнь Янь задумчиво жевал пластиковую трубочку:

—?

— Из-за монотонности функции, — простодушно уточнил Цинь Цигуй.

Шэнь Янь:

—??

Не дождавшись ответа, Цинь Цигуй наконец повернул к нему лицо:

— Что не так?

— А что еще за «монотонность функции»? — спросил Шэнь Янь с видом человека, искренне жаждущего знаний.

Цинь Цигуй подумал, что Шэнь Янь решил испытать на прочность нижний предел его терпения.

Теперь он окончательно убедился: после средней школы Шэнь Янь на уроках не слушал вообще ничего. А триста двадцать семь баллов на экзаменах — это исключительная небесная награда за сделанные в жизни добрые дела.

И все же сам факт, что Шэнь Янь задает вопросы, уже был добрым знаком. Цинь Цзигуй терпеливо пояснил:

— Монотонность функции — это то, как она возрастает или убывает. На определенном промежутке, если с увеличением x растет и y , функция называется возрастающей. Если y уменьшается — убывающей.

— И всё? Так просто? — Шэнь Янь сглотнул глоток сладкого чая и похлопал ресницами.

Цинь Цзигуй кивнул:

— Угу, так просто. Первые номера в тестах всегда на базовые понятия. У тебя голова соображает отлично, быстро схватишь.

Шэнь Янь скривил губы с легким недоверием:

— А почему эта функция не может быть... понасыщеннее?

Цинь Цзигуй:

—...

Ну, хотя бы понимает, что противоположность простоты — это сложность. Словарный запас по родному языку еще не окончательно утрачен.

Цинь Цзигуй ответил самым спокойным тоном, на какой был способен:

— Те, что понасыщеннее, называются сложными или комбинированными функциями.

— А-а.

Шэнь Яню показалось, будто он где-то уже слышал это словосочетание.

Цинь Цзигуй достал с его полки покрытый застарелой пылью учебник по математике за десятый класс и абсолютно новую тетрадь. Открыв первую страницу, он стал быстро набрасывать ключевые формулы, напевно проговаривая:

— Свойства и смысл функций — это самая база. Помимо монотонности есть чётность, нечётность, выпуклость, вогнутость... Я выпишу тебе главное. Память у тебя цепкая, пробежишь глазами — сразу запомнишь. Что будет непонятно — спросишь.

Шэнь Янь склонился рядом, разглядывая почерк. Писал Цинь Цзигуй изумительно: под стать самому себе — стройно, ровно, радуя глаз.

Схема выходила четкой и наглядной, без лишней воды. Даже Шэнь Янь, проспавший все уроки, с первого взгляда улавливал суть.

Вот только с его колоссальным объемом ошибок разбирать всё подряд этим методом придется до скончания веков.

Цинь Цзигуй словно прочитал его мысли. Не прерывая письма, он небрежно бросил:

— База у тебя хромает, сложные задачи в конце ты сейчас всё равно не переваришь. Даже если перепишешь верный ответ десять раз, сути не поймешь. Так что на них не отвлекаемся, разбираем только базовую часть. А насчет Хорька — я завтра сам с ним поговорю. Его задание изначально было неадекватным. Если у него возникнут претензии, я возьму всё на себя.

Цинь Цзигуй произнес это так естественно, словно отродясь имел полное право распоряжаться делами Шэнь Яня.

От этого тона у Шэнь Яня возникло чувство, будто он вернулся в детство.

Тогда всё было точно так же: что бы Шэнь Янь ни задумал — если только это не вредило ему самому — Цинь Цзигуй всегда говорил: «Делай, я прикрою». И если Шэнь Янь влипал в неприятности или они чудили вдвоем, Цинь Цзигуй неизменно отдувался за всех один.

Даже когда им было лет по пять-шесть и за какую-то крупную провину их обоих поставили на колени, Шэнь Янь выдержал от силы минут десять, после чего привалился к плечу Цинь Цзигуя и беспробудно заснул. В ту ночь у Цинь Цзигуя занемели и ноги, и руки, а Шэнь Янь сладко посапывал у него на груди.

От этих воспоминаний на душе у Шэнь Яня стало тепло и щемяще-тоскливо.

Цинь Цзигуй действительно заботился о нём.

Возможно, сильнее всех на свете его любила госпожа Сюй, но человеком, который с самого детства неустанно отдавал ему всё лучшее, без сомнения, был Цинь Цзигуй.

Поэтому Шэнь Янь мог сколько угодно дуться и огрызаться, но в глубине души никогда не

помышлял насовсем отвернуться от него.

Вот только от мысли, что они вырастут и со временем могут отдалиться друг от друга, а Цинь Цигуй переключит свое внимание на кого-то другого, в груди у Шэнь Яня сжался тяжелый, душный комок. Он угрюмо выдернул свой тестовый лист:

— Не надо за меня заступаться.

Цинь Цигуй лишь мазнул по нему быстрым взглядом и мгновенно всё понял. Положив ручку на стол, он тихо проговорил:

— купишь мне завтра еще один стакан чая, м?

— А? — Шэнь Янь, мрачно закрашивавший точки в предложениях, вскинул голову. — С какой стати? Опять хочешь на халяву пожить?

— Нет, — Цинь Цигуй посмотрел на него с легкой, почти детской обидой. — Дневной-то я так и не выпил. Чтобы помочь тебе поймать Мяо-мяо, побежал в такой спешке, что забыл стакан в закуской. Так что купишь мне завтра еще один в обед?

Шэнь Янь уже открыл рот, чтобы отрезать «нет».

Но Цинь Цигуй понизил голос:

— А ведь раны на руке и ноге и впрямь ноют...

Наотрез приготовленный отказ застрял у Шэнь Яня в горле при виде ссадин на кисти и синяков на левой ноге Цинь Цигуя.

В конце концов, тот действительно пострадал, защищая его.

Да и система в приложении выставила условие: выполнять любые просьбы Цинь Цигуя в течение двадцати четырех часов.

Отказать сейчас выглядело бы слишком черство.

После короткого замешательства Шэнь Янь отвёл взгляд и, вонзая трубочку в стакан, проворчал:

— Я вообще-то не просил тебя опекать меня.

— Угу, не просил. Я сам хочу.

Ответ Цинь Цзигуя прозвучал просто и предельно прямо.

Пальцы Шэнь Яня на трубочке замерли.

Цинь Цзигуй спросил снова:

— Так что, мы миримся?

«Ну уж нет!»

«Ты еще в обед обхитрил меня и заставил звать тебя братом да умолять, с чего бы мне сдаваться так просто?!»

Шэнь Янь состряпал самую свирепую, непреклонную физиономию, намереваясь выдать ледяной и беспощадный отпор!

Но едва он повернул голову, как с размаху столкнулся с взглядом Цинь Цзигуя — обычно холодным и отрешенным, а сейчас невероятно глубоким, чистым и до невыносимости нежным.

И следом прозвучал бархатный тихий шепот:

— Брат Цзигуй очень просит тебя.

В эту секунду Шэнь Янь окончательно удостоверился: этот гад Цинь Цзигуй определенно владеет каким-то запретным приворотом.

<http://bllate.org/book/20611/2132665>